

Учреждение Синода и реформирование церковной юстиции России (1721–1722 гг.)

В ряду преобразований Петра I, перекроивших многие стороны уклада жизни российского общества, особое место заняла церковная реформа. Едва ли не наиболее радикальная по правовому содержанию, жестко и последовательно проведенная петровская церковная реформа к настоящему времени изучена вполне обстоятельно¹. Как известно, ключевым событием реформы явилось учреждение в феврале 1721 г. Святейшего правительствующего синода, ставшего – взамен патриарха – высшим органом церковной власти в России.

Основание Святейшего синода повлекло за собой между иного и значительные перемены в области церковного правосудия, которые коснулись прежде всего объема юрисдикционных полномочий русской православной церкви. Однако при всем том, что воп-

¹ В первую очередь здесь стоит назвать фундаментальные труды Ю. Ф. Самарина, С. Г. Рункевича, Дж. Крэкрафта и особенно П. В. Верховского (Самарин Ю. Ф. Стефан Яворский и Феофан Прокопович // Самарин Ю. Ф. Сочинения. М., 1880. Т. 5; Рункевич С. Г. Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721–1725 гг.). СПб., 1900; Cracraft J. The Church Reform of Peter the Great. L., 1971; Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент: к вопросу об отношении церкви и государства в России. Исследование в области русского церковного права. Ростов н/Д., 1916. Т. 1–2). Из работ последних десятилетий заслуживают упоминания: Wittram R. Peter I: Czar und Kaiser: Zur Geschichte Peters des Großen in seiner Zeit. Göttingen, 1964. Bd. 2. S. 170–218; Анисимов Е. В. Время петровских реформ. Л., 1989. С. 330–351; Hughes L. Russia in the Age of Peter the Great. New Haven ; L., 1998. P. 332–356; Дробина М. Г. Правовое положение русской православной церкви в период проведения церковной реформы Петра I (историко-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005; Живов В. М. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы. М., 2004.

рос о преобразованиях в церковной юстиции в раннесинодальный период уже затрагивался в литературе², углубленного его освещения донныне не предпринималось. Между тем без прояснения того, каковым образом трансформировались судебные полномочия русской церкви при переходе к синодальному устройству, невозможно составить целостное представление об обстоятельствах проведения и церковной, и судебной реформ Петра I.

Юрисдикционные полномочия Синода и его статус как органа правосудия были первоначально закреплены в утвержденном 25 января 1721 г. Духовном регламенте, составленном (как убедительно показал еще П. В. Верховской) Феофаном Прокоповичем при активном участии царя. Достойно упоминания, что в ст. 5 и 6 ч. 1-й Регламента были внесены теоретические рассуждения, в которых доказывалось преимущество коллегиального отправления правосудия перед единоличным. В ст. 5 развернуто обосновывался оптимистический тезис о том, что в «коллегиуме» «не обретається место пристрастию, коварству, лихоимному суду». В свою очередь, в ст. 6 подчеркивалось, что «коллегиум свободнейший дух в себе имеет к правосудию», поскольку «единоличный правитель гнева силных боится», а вот оказывать давление на группу судей «не тако удобно есть, яко на единого человека»³.

Собственно нормы, в которых определялись сфера юрисдикции, а также положение Духовной коллегии (будущего Синода) в

² См.: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций и гражданского апелляционного судопроизводства от Судебника до Учреждения о губерниях. М., 1859. С. 465–474; *Верховской П. В.* Учреждение Духовной коллегии ... Т. 1. С. 537–543; *Ефремова Н. Н.* Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. (историко-правовое исследование). М., 1993. С. 68–74; *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России. История. Документы. М., 2003. Т. 2. С. 464–472; *Лонская С. В.* Российские судебные реформы XVIII–XX века : учеб. пособие. Калининград, 2003. С. 16–18.

Достойно удивления, что вопрос о преобразованиях в области церковного правосудия начала 1720-х гг. совершенно обошел М. О. Акишин, принимавший недавно попытку комплексно охарактеризовать события судебной реформы Петра I (см.: *Акишин М. О.* Судебная реформа Петра I : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2005 [М. : РГБ, 2006. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]).

³ Законодательство Петра I / под ред. А. А. Преображенского и Т. Е. Новицкой. М., 1997. С. 544–545.

системе органов церковного правосудия законодатель поместил прежде всего в ст. 5 и 8–11 ч. 3-й Духовного регламента. В ст. 5 речь шла о подсудности коллегии старообрядцев («раскольщиков») и еретиков («нового некоего учения изобретателей»). В ст. 8 ч. 3-й за Духовной коллегией в общем виде закреплялось положение суда второго звена и апелляционной инстанции по отношению к органу епархиального управления (к «суду епископа»). В той же ст. 8 оговаривалось, что Духовной коллегии надлежало рассматривать по первой инстанции, во-первых, дела по «обидам» (материальному и моральному ущербу), нанесенным епископом либо всему клиру церкви, либо всему монастырю, а во-вторых, дела о конфликтах между самими епархиальными архиереями («обида, сделанные епископу от другого епископа»)⁴.

Кроме того, положение Духовной коллегии как суда второго звена и апелляционной инстанции по отношению к суду органа епархиального управления – более развернуто, нежели в ст. 8 ч. 3-й – закреплялось в ст. 14 раздела «Како же лутче может быть сие [епископское] посещение [епархии]» ч. 2-й Духовного регламента. В названной статье оговаривалось право любых представителей духовенства, не удовлетворенных вынесенным епископом приговором или решением, подавать апелляционную жалобу в коллегию («переносить дело на суд Духовного коллегіума»). Что характерно, в рассматриваемую ст. 14 был внесен особый запрет епископу оказывать какое-либо давление на лиц, подающих апелляционные жалобы, – в частности, «печатать [опечатывать] или грабить дома оных»⁵.

В ст. 9 ч. 3-й Духовного регламента закреплялось право Духовной коллегии как инициировать уголовное преследование, так и выступать истцом в делах о хищении церковного имущества, которые производились (как можно понять по умолчанию законодателя) в судах общей юрисдикции. В ст. 10 той же ч. 3-й трактовался казус, когда духовное лицо оказывалось пострадавшим от высокопоставленного должностного лица («от господина некоего сильного»). В этом случае дело подлежало рассмотрению в Юстиц-

⁴ Законодательство Петра I. С. 560.

⁵ Там же. С. 579. Необходимо отметить, что в той же ст. 14 законодатель установил наказание за подачу необоснованной апелляционной жалобы.

коллегии или в Сенате, но при обязательном информировании Духовной коллегии⁶.

Наконец, в ст. 11 ч. 3-й Духовного регламента законодатель предусмотрел случай, когда возникают сомнения в аутентичности завещаний о значительном наследстве («духовники знатных особ еще покажутся быть в чем сумнительные»). Если таковое имело место, то дело поступало на совместное разбирательство Юстиции и Духовной коллегии⁷.

Остается добавить, что в Духовном регламенте предусматривалось четыре случая, когда суду Духовной коллегии (по первой инстанции) подлежал глава органа епархиального управления. По ст. 10 и 16 раздела «Дела епископов» ч. 2-й Духовного регламента и по ст. 14 и 15 упомянутого раздела «Како же лутче может быть сие посещение» епархиальный архиерей попадал под суд коллегии, во-первых, за поставление в священники «неученого человека», во-вторых, за необоснованное наложение анафемы, в-третьих, за предоставление фальсифицированных сведений о состоянии дел в епархии. В-четвертых, епископ был подсуден Духовной коллегии за притеснения подчиненных ему лиц («аще кто от него [епископа] знатно изобижен будет»)⁸.

Между тем не прошло и полутора месяцев после издания Духовного регламента, как юрисдикционные полномочия русской православной церкви оказались увеличены по кругу лиц. Согласно закону от 3 марта 1721 г., в подсудность Синода и его местных органов были переданы крестьяне и управители церковных вотчин (патриарших, архиерейских и монастырских). По верному замечанию П. В. Верховского, это было «неожиданное и очень крупное» расширение судебной компетенции новоучрежденного Святейшего синода, под юрисдикцию которого в одночасье перешло свыше полумиллиона человек⁹.

В том же марте 1721 г. Петр I уточнил и объем полномочий Синода в отношении суда над духовенством. Согласно закону от

⁶ См.: Законодательство Петра I. С. 578.

⁷ См.: Там же. С. 579.

⁸ См.: Там же. С. 553, 558, 560.

⁹ См.: *Верховской П. В.* Учреждение духовной коллегии ... Т. 1. С. 536.

15 марта 1721 г. (изданному в форме высочайших резолюций на доклад Святейшего синода), лица, имевшие духовный сан, подлежали церковному суду по всем делам за исключением государственных преступлений, «явных злодейств» (убийств и разбоев), а также гражданских дел, связанных с участием представителей духовенства в промыслах, торгах и откупах. Соответственно, исковые челобитные на лиц духовного звания надлежало отныне подавать в Синод¹⁰.

В такой обстановке Святейший синод выступил с инициативой дальнейшего увеличения полномочий органов церковного правосудия всех уровней. В п. 3 доклада, направленного императору в ноябре 1721 г., Синод предложил перевести под исключительную юрисдикцию церковных властей как духовенство, так и все население церковных земель. Мотивировалось это предложение тем, что духовенство и население церковных земель «удобнее видится иметь под одним ведением и охранением Синода»¹¹.

Если бы законодатель принял указанное предложение Синода, то русская церковь могла бы в 1721 г. вернуться к тому широкому объему юрисдикционных полномочий, каковым она обладала разве что по Уставу князя Владимира о десятине. Между тем масштабные притязания Святейшего синода касательно увеличения церковной юрисдикции возникли отнюдь не случайно. И дело здесь было не только в стремлении тогдашних синодских руководителей приблизить объем власти Синода к объему власти патриарха, на что указал П. В. Верховской¹² (хотя нет сомнений, что в 1721 г. имела место и эта тенденция).

Быстро сформировавшиеся ведомственные амбиции Святейшего правительствующего синода имели куда более серьезные предпосылки и носили в значительной мере объективный характер. Представляется совершенно очевидным, что в синодском докладе от ноября 1721 г. проступили две глубинные – и при том взаимопересекавшиеся – традиции отечественного церковного и государственного строительства.

¹⁰ См.: ПСЗ. Т. 6. № 3761. С. 371.

¹¹ Там же. № 3854. С. 456.

¹² См.: *Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии ...* Т. 1. С. 540.

Первая из них – традиция церковного строительства – заключалась в том, что русская православная церковь издревле обладала значительными судебными полномочиями (сокращавшимися, правда, мало-помалу на протяжении XV–XVII вв.)¹³. Менее стародавняя традиция государственного строительства состояла в том, что начиная с XVI в. на уровне тех центральных органов власти России, которые ведали теми или иными профессиональными и социальными группами, стала воплощаться модель «единого хозяина» – и администратора, и судьи в своем ведомстве (что порождало в XVI–XVII вв. «судебную чересполосицу»). Нельзя также не обратить внимания на то, что в приведенном выше фрагменте п. 3 синодского доклада от ноября 1721 г. оказался сформулирован основополагающий принцип ведомственной юстиции: «иметь под одним ведением и охранением» или, выражаясь по-современному, «кем управляешь, того и судишь».

Как же на доклад Синода от ноября 1721 г. отреагировал законодатель? Петр I занял в данном случае явно компромиссную позицию. Предложение о расширении судебных полномочий Синода в отношении духовенства император оставил без ответа (подтвердив тем самым силу прежних установлений). А вот касательно населения церковных земель Петр I рассудил иначе.

Согласно закону от 19 ноября 1721 г. (изданному в форме высочайших резолюций на отмеченный доклад Святейшего синода), крестьяне и управители церковных вотчин подлежали церковному суду по всем делам за исключением «криминальных дел» (умыш-

¹³ О зарождении и первоначальном развитии церковной юрисдикции в нашей стране в современной литературе наиболее подробно говорится в работе: *Ицанов Я. Н.* Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М., 1989. С. 97–123. О юрисдикции русской православной церкви в предпетровское время см., прежде всего, весьма добротное диссертационное исследование А. Ю. Гаращенко (*Гаращенко А. Ю.* Юрисдикция и устройство церковных судов в допетровский период российской истории : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2006. С. 40–46, 65–66, 71–72, 82–85, 88–89, 114–120, 130–137, 141–143, 155–160 [М. : РГБ, 2006. Электронный ресурс из фондов Российской государственной библиотеки]). О церковной судебной практике в последней четверти XVII в. см. также: *Покровский Н. Н.* Сибирское дело о десятильниках // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 146–189.

ленных убийств, разбоев и татьбы с поличным)¹⁴. По таковым «криминальным делам» в законе от 19 ноября 1721 г. оговаривалась подсудность населения церковных земель Юстиц-коллегии и иным судам общей юрисдикции¹⁵. Тем самым к концу 1721 г. Синод получил никак не предусмотренную Духовным регламентом преимущественную, но все же не исключительную юрисдикцию над населением церковных вотчин.

Окончательное – для первой четверти XVIII в. – разграничение светской и церковной юрисдикции по кругу дел было установлено в законе от 12 апреля 1722 г. (изданном опять-таки в форме высочайших резолюций на очередной доклад Святейшего синода). Согласно данному закону, к исключительной подсудности органов церковного правосудия были отнесены дела по богохульству, еретичеству, колдовству, принадлежности к старообрядчеству, о насильственном пострижении в монахи, а также о расторжении брака. В свою очередь, к «светскому суду» в 1722 г. законодатель отнес издревле рассматривавшиеся в нашей стране в церковных судах дела о преступлениях, совершенных на сексуальной почве (изнасилование, принуждение к сожительству феодально зависимых женщин, нарушение супружеской верности, кровосмешение), а также дела о внебрачных детях и о вступлении в брак без согласия родителей.

¹⁴ Представляется очевидным, что, не включив в юрисдикцию церковных властей «криминальные дела», Петр I последовал отечественной уголовно-процессуальной традиции XVI–XVII вв., по которой подобные дела рассматривались – *de jure* во всеобщем порядке – губными органами. Уместно добавить, что изъятие из церковной юрисдикции дел по обвинениям духовных лиц в душегубстве и разбое было специально подтверждено еще решением Стоглавого собора 1550 г. (подробнее об этом см.: *Гаращенко А. Ю. Юрисдикция и устройство церковных судов ... С. 82–83*).

¹⁵ См.: ПСЗ. Т. 6. № 3854. С. 456. По-видимому, неточно интерпретировав приведенную норму закона от 19 ноября 1721 г., Н. Н. Ефремова ошибочно указала, что Синод вообще не получил права судить монастырских крестьян по уголовным делам (см.: *Ефремова Н. Н. Судостроительство России в XVIII – первой половине XIX в. ... С. 72*). Что касается подсудности населения церковных земель по государственным преступлениям Преображенскому приказу и Тайной канцелярии, то таковая подсудность, думается, подразумевалась в законе от 19 ноября 1721 г. по умолчанию законодателя.

Кроме того, в законе от 12 апреля 1722 г. специально оговаривалось, что светскому суду подлежали государственные служащие, повинные в неподчинении законным требованиям епархиального архиерея (те, кто «не будут в духовных делах повиноваться епископам»)¹⁶. Таким образом, можно видеть, что в законе от 12 апреля 1722 г. церковная юрисдикция подверглась существенному ограничению (особенно по кругу дел). Не возникает сомнений, что это сокращение объема церковной юрисдикции законодатель осуществил по примеру Швеции, избранной Петром I в качестве образца при проведении административной и судебной реформ. В Шведском королевстве церковь вообще не обладала ни полномочиями в сфере уголовной юстиции, ни юрисдикцией по кругу лиц, а те же дела по преступлениям сексуальной направленности рассматривались в судах общей юрисдикции¹⁷.

Что касается новой организации церковного суда, то в окончательном виде она была закреплена в синодском указе от 4 сентября 1722 г. об укреплении инстанционности в церковном судопроизводстве¹⁸. Согласно этому закону, в качестве церковного суда первого (основного) звена выступали либо низовые органы управления церковными вотчинами, либо низовые органы общего церковного управления. Судом второго звена в законе от 4 сентября 1722 г. определялись, во-первых, органы епархиального управления, а во-вторых, перешедшие в 1721 г. в подчинение Синода центральные органы церковной власти – Духовный и Монастырский приказы¹⁹.

¹⁶ См.: ПСЗ. Т. 6. № 3963. С. 651–652. В историко-правовой литературе наиболее подробная характеристика закона от 12 апреля 1722 г. дана в работе: *Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю.* Судебная власть в России ... Т. 2. С. 468–470.

¹⁷ Интересные подробности о судопроизводстве по делам о нарушении супружеской верности в шведских судах в 1710-е гг. приведены в работе: *Крунберг М.* Каролинские женщины // *Царь Петр и король Карл. Два правителя и их народы* : сб. ст. ; [пер. с шведского]. М., 1999. С. 222–223.

¹⁸ См.: ПСЗ. Т. 6. № 4081. С. 764–767.

¹⁹ Затруднительно понять, что дало основание Ф. М. Дмитриеву указать, что вторую инстанцию по отношению к низовым церковным судам по закону от 4 сентября 1722 г. образовали единственно «епархиальные» архиереи (см.: *Дмитриев Ф. М.* История судебных инстанций ... С. 472).

Соответственно, распределение дел между перечисленными церковными судебными органами второго звена обуславливалось характером дела или подсудностью ответчика. Монастырский приказ (с 18 сентября 1724 г. Камер-контора синодального правления) рассматривал дела крестьян и управителей церковных вотчин, Духовный приказ – брачно-семейные дела, а также дела, возникавшие по челобитью представителей духовенства друг на друга²⁰. Впрочем, как явствует из фундаментального «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», на практике, сообразно старомосковской традиции, и органы епархиального управления, и синодальные приказы выступали также в роли суда первой инстанции для жителей той местности, где они располагались.

Церковным судом третьего (высшего) звена в указе от 4 сентября 1722 г. определялся Святейший правительствующий синод. Тем самым в синодском указе от 4 сентября 1722 г. оказалась зафиксирована трехзвенная система органов церковного правосудия. Нельзя не отметить также, что, в отличие от системы судов общей юрисдикции, в системе церковных судов к 1722 г. не появились органы, функционально и структурно отделенные от органов церковного управления.

Впрочем, в 1723 г. законодатель предпринял попытку учредить подчиненный Синоду особый орган правосудия, структурно отделенный от органов церковного управления. По собственноручно написанному Петром I указу от 8 февраля 1723 г. создавалась новая (правда, никак не наименованная) коллегия, к компетенции которой было отнесено рассмотрение уголовных и гражданских дел духовенства. Апелляционной инстанцией по отношению к данной коллегии определялся Святейший синод.

При этом компетенция новоучрежденной коллегии в именном указе от 8 февраля 1723 г. окончательно не устанавливалась, а декларировалось лишь намерение законодателя регламентировать такую

²⁰ Развернутую документальную характеристику судебных полномочий подчиненных Синоду центральных органов церковной власти (по состоянию на февраль 1727 г.) см.: «Ведомости из Синода, из Сената и из двух воинских коллегий о их конторах, и какия в них дела отправляются» / публ. С. А. Белокурова // ЧОИДР. 1905. Кн. 4. Отд. IV. С. 1–2.

компетенцию в будущем («и каким делам тут [в коллегии] быть, поговоря, определить»)²¹. Однако, как можно видеть из «Описания документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода», эта своего рода синодальная Юстиц-коллегия так и не была создана в действительности.

Показательно, что вышеописанные новации в области церковного судоустройства и судопроизводства получили отражение и в проекте Уложения Российского государства 1723–1726 гг. Вопросам юрисдикции русской церкви оказались посвящены ст. 2–10 гл. 2-й кн. 1 проекта, утвержденные Уложенной комиссией 9 сентября 1723 г.²² В частности, в ст. 3 «О суде Святейшаго Синода» было внесено законодательное положение, в котором воспроизводились нормы закона от 12 апреля 1722 г. о разграничении светской и церковной юрисдикций²³.

Остается добавить, что закрепленные в законодательстве 1721–1722 гг. нормы о пределах церковной юрисдикции отнюдь не остались мертвой буквой. Обратившись к материалам судебной практики, можно увидеть, что начиная с 1722 г. те же дела по сексуальным преступлениям начали в самом деле поступать в производство судов общей юрисдикции. Так, согласно реестру колодников при Санкт-Петербургском надворном суде в июне 1723 г. содержались под стражей двое лиц, обвинявшихся в преступлениях сексуальной направленности. С 11 апреля 1723 г. в колодничьей палате суда содержался печник Евсевий Жуков, который «винился в блудном воровстве с коровою», а с 29 мая 1723 г. – вдова Авдотья Иванова, признавшаяся в «блудном деле»²⁴.

Итак, можно констатировать, что на протяжении 1721–1722 гг. – в рамках проведения решающего этапа церковной реформы Петра I – в нашей стране подверглись реформированию как организация церковного суда, так и церковное судопроизводство. Что касается церковного судоустройства, то наиболее важным изменением здесь следует признать означавшее отмену патриаршества учреждение Свя-

²¹ Законодательные акты Петра I / сост. Н. А. Воскресенский. М. ; Л., 1945. Т. 1. С. 125.

²² См.: РГАДА. Ф. 342. Кн. 33. Ч. 1. Л. 21 об. – 25 об.

²³ См.: Там же. Л. 22–22 об.

²⁴ См.: Там же. Ф. 285. Оп. 1. Кн. 5951. № 5. Л. 38 об., 41.

тейшего правительствующего синода, который занял в системе органов церковного правосудия место суда третьего (высшего) звена. При этом во всех частях механизма церковной власти сохранилось традиционное структурное единство административных и судебных органов. Иными словами, обособленные от органов управления церковные суды не появились в России и при Петре I.

В области церковного судопроизводства в центре внимания законодателя в 1721–1722 гг. находились судебные полномочия органов церковной власти. В отношении объема этих полномочий позиция Петра I отличалась двойственностью. С одной стороны, с момента издания Духовного регламента юрисдикционные полномочия русской православной церкви постоянно возрастали, хотя и не достигли к 1723 г. того уровня, которым церковь обладала в патриарший период²⁵ (не говоря уже о более ранних временах). С другой стороны, согласно законам от 19 ноября 1721 г. и от 12 апреля 1722 г., сфера церковной юрисдикции подверглась значительному сокращению по кругу дел.

В свою очередь, эта непоследовательность законодателя в определении границ церковной юрисдикции явилась следствием затруднений, возникших по ходу адаптации идеальной шведской модели к российским условиям. Наличие у русской церкви исстари сложившихся обширных судебных полномочий не имело даже отдаленного аналога в шведских образцах. В итоге в вопросе об организации и полномочиях церковных судов Петр I оказался перед объективно нерешаемой задачей совмещения традиции отечественного государственного и церковного строительства со стратегической установкой на построение в России «полицейского» государства по шведскому образцу.

В подобных условиях первый российский император избрал в качестве основной линии следование отечественной традиции церковного строительства. Именно в русле этой традиции за русской церковью (пусть и *de jure* подчиненной в 1721 г. самодержавному государству) была сохранена значительная юрисдикция, имен-

²⁵ В литературе на это обстоятельство обратил внимание П. В. Верховской, а недавно и М. Г. Дробина (*Верховской П. В. Учреждение Духовной коллегии ... Т. 1. С. 542–543; Дробина М. Г. Правовое положение русской православной церкви ... С. 19*).

но в русле этой традиции Святейший синод превратился в почти «единого хозяина» в отношении населения церковных земель, именно в русле этой традиции в нашей стране так и не появились обособленные от органов управления церковные суды. Единственной значительной уступкой законодателя исходно приоритетным шведским образцам следует признать осуществленное в 1722 г. сокращение церковной юрисдикции по кругу дел.

Е. В. Бородина

Екатеринбург

Судебная активность населения Урала в 1720-е гг.

Повседневная жизнь любого общества состоит из разнообразного круга событий, которые как нити сплетают ткань жизни отдельного человека и всех проживающих на данной территории людей. На современном этапе развития общества проблемы различного уровня сложности порождают возникновение широкого спектра источников – от письменных до аудиовизуальных.

Воссоздание образа жизни и характера мировоззренческих концептов предыдущих столетий более затруднительно. В первую очередь, это связано с особенностями сохранившейся источниковой базы. Если события XIX и XX вв. нашли отражение в большом числе источников личного происхождения, фотографиях, делопроизводстве и других документах, то XVIII в. не слишком богат ими. Несмотря на это, попытки реконструировать повседневную жизнь человека данного столетия предпринимались такими современными исследователями, как Н. В. Козлова, О. Е. Кошелева, А. Б. Каменский¹.

¹ См.: Городская семья XVIII века. Семейно-правовые акты купцов и разночинцев Москвы. М., 2002; Козлова Н. В. Введение // Городская семья XVIII века ... М., 2002. С. 3–38; Кошелева О. Е. Люди Санкт-Петербургского острова Петровского времени. М., 2004; Каменский А. Б. Повседневность русских городских обывателей: исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII века. М., 2006.